
А.А. Масленников

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И АНТИЧНАЯ ТОПОНИМИКА И ТЕРМИНОЛОГИЯ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ¹

В статье рассматривается античная топонимика, терминология и соответствующие археологические реалии Крымского Приазовья, но, главным образом, соотношение их с палеогеологией и палеогеографией этого региона в античную эпоху. Основное внимание при этом уделяется динамике изменения уровней Азовского моря и Чокракского озера. Для этого привлекаются результаты новейших археологических раскопок и некоторых естественно-научных изысканий. Анализируются как расхождения, так и соответствия этих трех групп источников. В первом «случае» автор опирается на многолетние результаты работ-раскопок руководимой им академической экспедиции, исследовавшей на значительной площади и протяжённости не только разновременные и разнотипные археологические памятники Крымского Приазовья, но и соответствующие природные ландшафты. При этом, в частности, было установлено и подтверждено хронологически несколько периодов спада и подъема уровней местных водоемов, прежде всего, Азовского моря и сопредельных озер, рек, а равно и грунтовых вод. Проанализировано влияние этих процессов на характер, местоположение и состояние сохранности поселенческих структур, демографию и особенности хозяйственной деятельности местного населения на протяжении весьма продолжительного времени (VI в. до н.э. – VI в. н.э.). На основании всего этого выделены периоды (два-три) относительно запустения или наоборот-заселенности, расцвета жизнедеятельности на рассматриваемых территориях. Но самое главное: удалось подтвердить в целом очень хорошую осведомленность и даже объективность многих наших письменных свидетельств, а в некоторых случаях, правильнее понять их или даже скорректировать прежние переводы и, тем более, соответствующие комментарии. Так, в частности, вновь подтверждена очень большая осведомленность источников Геродота, Диодора Сицилийского, Скилака, Полибия, Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Клавдия Птолемея и в меньшей степени иных авторов различных историко-географических произведений, прежде всего, периплов, о размерах и глубине Азовского

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Причерноморская и Центрально-Азиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» № НИОКТР 122011200269-4.

моря, степени заселенности его берегов, направлении торговых путей (исходя из господствующих течений), местном климате и его изменениях на протяжении веков, исторических событиях и др. В целом ряде случаев, как отмечалось, удалось, с помощью археологии, существенно уточнить хронологию и масштабы тех или иных перемен. Главное же – подтвердить верность комплексного подхода к общему и частному анализу античного географического наследия.

Ключевые слова: Крымское Приазовье, палеогеология, античная топонимика, античная география, археология, хронология

Регион Крымского Приазовья, естественно, лишь часть обширной приморской территории с богатой историей и археологией. Не осталась она незамеченной и в античных нарративных источниках. Сохранившейся местной топонимике и, прежде всего, древним и средневековым названиям самого Азовского моря: Меотида, Тamarунда, Коргалук, Бахр ал-Азафр, Бахр эль-Ассал, Сурожское и некоторые другие, и названиям сопредельно-прибрежных населенных пунктов историки и лингвисты в разное время уделили достаточно внимания. При этом обращались либо к их предполагаемой локализации, либо к языковой принадлежности. И «тут и там» мнения исследователей нередко расходились, что при нынешнем уровне соответствующих знаний вполне естественно. Впрочем, касательно именно нашего района, как об этом будет сказано ниже, эта топонимика никогда не служила предметом дискуссий ввиду ее «древнегреческой очевидности».

Итак, Крымское побережье Азовского моря – это территория от современной южной оконечности Арабатской стрелки до входа в Керченский пролив. И если первой – в античный период, а равно «до» и сразу «после», по единодушному мнению палеоморфологов и палеогеологов, не существовало, то второй «ориентир» (северо-западное устье Боспора Киммерийского) как будто бы оставался всё это время почти неизменным. В плане археологии это на сегодняшний день, пожалуй, одно из наиболее исследованных мест во всем Северном Причерноморье. Причем многие античные поселения раскопаны весьма основательно, о чем автор имеет право писать со всем знанием дела. Это позволяет с высокой степенью объективности судить, помимо прочего, и о местной исторической демографии, т.е. динамике «обитаемости». Аналогичным образом можно оценить, как только что писалось, и состояние вопроса о тогдашней местной поселенческой топонимике. Напомним, что она состоит всего из трех дошедших до нас, в настоящее время почти наверняка точно локализуемых населенных пунктов: Парфения, Зенонова Херсонеса и Гераклия. Упоминанию их как «лежащих» в Европейской Сарматии,

на побережье Херсонеса Таврического (Ptolem. III. 6. 1), «по Меотийскому озеру» мы обязаны Клавдию Птолемею (Ptolem. III. 6. 4). Разумеется, существовавшие тут в разные периоды античной эпохи (VI в. до н.э. – VI в. н.э.) другие поселенческие структуры (городища, усадьбы, селища-деревни, сторожевые башни, святилища) – а их, подчеркнем еще раз, было немало – равно как и природные урочища, разного рода географические ориентиры, речки/ручьи, бухты и т.п. тоже как-то назывались, но... Строго говоря, упомянутые названия у Птолемея никакими уточнениями (гавань, город, местечко, мыс) не сопровождаются. Впрочем, так же как и гораздо более известные во всех отношениях перечисленные перед этим «настоящие» города: Херсонес, Феодосия, Пантикапей, Нимфей. Вероятно, их городской статус был и так очевиден, в отличие от всех тех пунктов, которые располагались «внутри Таврики», и почему-то намеренно перечисленных именно под термином «город» (Ptolem. III. 6. 5). На наш взгляд, учитывая почти все соответствующие археологические реалии и предположительные отождествления, последнее – весьма странно. Впрочем, данный раздел труда великого географа вообще вызывает много вопросов и достоин отдельного рассмотрения. Укажем хотя бы на явную несуразность с таким размещением известных по другим источникам и надежно локализуемых на побережье пунктов (городов?), как Китей и Акра (Портакра).

Возвращаясь же к нашему региону, отметим, что все три названия – типично древнегреческие, два из которых, как известно, неоднократно засвидетельствованные в различных местах античной ойкумены. Ну, разве что – некий Зенон, вероятно, ойкист крохотного поселения на мысе Зюк – исключение. Их последовательность размещения в направлении с востока на запад, – намек на неведомый нам Меотийский перипл – один из возможных источников Птолемея. А вот существовали ли и какой «статус» имели эти три пункта непосредственно до и при Клавдии Птолемею? На первый вопрос археология уверенно отвечает утвердительно. На всех трех отождествляемых с этими селениями археологических памятниках засвидетельствованы культурные слои и строительные остатки первых веков н.э. Больше того, можно даже говорить, что это был период их активного функционирования. А вот второй – как и в большинстве аналогичных случаев с древними поселенческими структурами – связан с античной терминологией. Кажется, чего проще: перевод слова «полис», если он тут подразумевался, а в других «случаях» прямо употреблялся – более чем очевиден. Это город. Но так переводить могли позволить себе издатели, интерпретаторы и просто чтецы античных текстов, в данном случае Птолемея, вплоть до относительно недавнего времени. Теперь же успехи полевой археологии настоятель-

но требуют более осторожного, аккуратного и всякий раз конкретного перевода соответствующего источника (термина). И это, на наш взгляд, очень важный «посыл». Пожалуй, не менее важный, нежели личное, непосредственное знакомство всякого, взявшегося писать об исторической географии, с той местностью и памятниками, о которых он собирается судить. Вот и указанный древнегреческий термин «полис» (πόλις), в отличие от русскоязычного слова «город», совсем не так однозначен. Он употреблялся, как каждый может убедиться, заглянув в любой словарь, античными авторами в разное время и при разных обстоятельствах, и в значении, близком нашему пониманию, т.е. собственно города, и в качестве более или менее значительного и известного населенного пункта, и как главного города, родного города, главной части города, и как совокупности всех граждан (общины) и домов, и как государства, государственного образования, свободного государства, отечества, общины поселян. Близкий этому термин «астью» (ἄστυ) означает: город, главный город, столица, главная часть города, но иногда и просто населенный пункт (см., например: Вейсман 1899. С. 210 и 1022). Правда, последнее значение в источниках по Северному Причерноморью не встречается вовсе. (Случайно ли?) Повсеместно мы сталкиваемся здесь и даже на сопредельных, заведомо варварских территориях (см. соответствующие места и тексты известного свода В.В. Латышева – SC) только с термином «полис», изредка – его немногими «производными» (πολίχμιον, πολίχμη, πόλισμα – городок). Но что именно понимали всякий раз под этим словом античные авторы и прежде всего самые сведущие, «первоначальные», наиболее достоверные, упоминая те или иные населенные пункты? И придавали ли вообще этому значение? Или же при переводе нам надо выбирать из всех возможных вариантов тот, который был бы самым естественным, соответствующий современным знаниям о том или ином поселении? Правда, в данном случае, как только что отмечалось, никакая терминология вовсе не использовалась или подразумевалась «по умолчанию».

Итак, Парфений. Поскольку подробно к новой локализации его и двух других пунктов мы обращались совсем недавно (исчерпывающую на сегодняшний день археологическую информацию о них см.: Масленников 2020. С. 353–368), будем кратки. В сущности, пока ни о точной площади, ни о планировке, ни о примерах ордерной архитектуры (общественных зданий), ни об этапах истории, ни о качестве застройки и уровне благоустройства, ни о наличии хоть каких-то признаков общественной, культовой или иной самоорганизации мы судить не можем. Были некие, видимо, солидные укрепления (башня/маяк?), строительство, вернее, восстановление которых мог себе позволить самый богатый и знатный

из местных жителей (КБН 897). Есть данные об относительной хронологии памятника и существовании его совершенно не исследованного, но, к сожалению, столь же совершенно ограбленного некрополя. Определенным образом «настраивает» само название и предполагаемое местоположение этого пункта (мыс Борзовка-Варзовка близ пос. Осовины, почти у западного входа в Керченский пролив, напротив античного поселения со столь же теофорным наименованием: Ахиллион). И только. Уместно ли считать Парфений городом или хотя бы городком? И здесь мы вынуждены обратиться к важной, интересной и сложной проблематике, с которой, без сомнения, не раз сталкивались очень многие историки-археологи, а именно: каковы археологические признаки города. И тем более (касательно антиковедов) – «материальные», «анэпиграфные» свидетельства наличия гражданской общины-полиса в самом основном, распространенном (общепринятом) значении этого слова (Herod. VIII. 61; Thuc. VII. 77. 7; Arist. Polit. I. 1. 1. 1252a). При отсутствии прямых указаний, т.е. соответствующих письменных свидетельств, эта задача вообще представляется чрезвычайно трудной, с учетом же господствующего представления о том, что город и полис – понятия совсем не всегда тождественные (Кошеленко 1980. С. 3–28; 1983. С. 220–224), – почти неразрешимой. Литература, точнее, разного рода изыскания, касающиеся этих тем, достойна специального обзора. Не исключение в этом плане и «наше» Северное Причерноморье. Разумеется, здесь существует своя специфика, с которой непременно следует считаться. И это тоже отдельная проблема. Другой вопрос: осознавали ли ее (эту специфику) античные авторы «первого порядка», писавшие об этом регионе, в частности о Боспоре, а тем более о том, что «имело место быть по соседству», на сопредельных территориях? Замечали ли ее хоть как-то их «прямые или косвенные» информаторы (не сами же они тут бывали), или же это ни от чего не зависело и выразилось в столь «абстрактной» терминологии, вернее, ее совершенно неконкретном использовании? Но вернемся, с учетом только что сказанного, к нашему повествованию.

Следующий (к западу) «город» в Крымском Приазовье (если позволите: «Таврическом Примеотидье») – Зенонов Херсонес. Тут у нас, к счастью, весьма солидная археологическая и эпиграфическая «составляющие», а главное – абсолютно однозначная локализация (отождествление). Кратко напомним: это совсем небольшое (около одного га) античное поселение на мысе Зюк, представляющем собой ярковыраженный скалистый полуостров с самыми северными для всего этого побережья (что, кстати, и это очень показательно, отмечено и у Птолемея) географическими координатами. Раскопками открыта его большая часть, что позволяет уверенно судить не только о стратиграфии, но и о хронологии,

изменениях общей и «частной» планировки и уровня строительного дела и благоустройства, фортификации, отчасти – жизни и быта его обитателей. Особо отметим крайне редкие для такой «глубинки» лапидарные эпиграфические находки – девять обломков надписей. За исключением двух эпитафий (КБН 899–900), всё это – фрагменты списков фиасотов II–III вв. н.э. (КБН 898; Сапрыкин, Масленников 1999. С. 193–202; Сапрыкин 2022. С. 259–281). Время существования данного населенного пункта – конец VI в. до н.э. – вторая треть VI в. н.э. И что это было? Просто рядовое сельское прибрежное поселение? А может быть, все-таки городок? Совсем крохотный даже по местным понятиям, но заметно отличавшийся (автор пишет это, опять-таки, со знанием дела) от всех соседних поселений не только своей «протяженной» и непрерывной хронологией, но и необыкновенно удобным (и выгодным!) расположением – мыс, следовательно, наличие гавани/гаваней (известен мол). Добавим к этому скорее «городские», нежели «сельские» особенности оборонительных сооружений и значительно более насыщенный разнообразными находками, местами весьма мощный культурный слой, аккуратно вымощенные неширокие, но более или менее прямые улочки с тротуарами, на которые выходили фасады помещений – домов, вход в которые был «оформлен» специальными порожными камнями (под установку полотен дверей), а также наличие достаточно просторного (10х7,2 м), тщательно выложенного большими и очень большими плитами прямоугольного пространства (общественная площадь?) вблизи въезда на городище. Под этой площадью проходил «городской» водосток (канализация), включавший в себя помимо высеченных в скале ям-коллекторов и закрытых желобов-траншей довольно солидный, сложенный из прямоугольных плит, также прямоугольный в сечении «выход» – своего рода подземный лаз (Масленников 1982. С. 120–173). Не исключено, имелся и маяк или некое сооружение с дозорно-навигационными функциями, помещавшееся на вершине скального массива, возвышавшегося на северо-восточной оконечности мыса, а также колодец, может быть, не один, и подземный ход (есть местная «легенда» и археологические примеры на других боспорских городищах), ведущий непосредственно на берег под поселением. Несколько весьма глубоких и вместительных (коллективных?) ям-зернохранилищ, а также остатки тоже, видимо, общественных, по крайней мере, двух виноделен, очень вероятное наличие одного-двух святилищ – также не «противоречат» высокому поселенческому «рангу» данного памятника. В «статусе» полиса? А почему бы и нет? Вообще говоря, любое совместное (тем более компактное, на ограниченной укреплённой площади) проживание нескольких (судя по приблизительному числу одновременно существовавших домов-посе-

щений, таковых могло быть ок. 20) семей-соседей, любой, силою чьей-то воли или каких-то обстоятельств созданный коллектив свободных, либо даже частично свободных людей обязательно требовал некоей организационно-контрольной структуры – общины, объединенной сакральными, военными, производственными и политическими функциями. Ну, чем не полис (гражданская община) в его классическом воплощении?! Да еще, скорее всего, в столь характерной для Боспора и, подчеркнем, необходимой форме: под опекой-подчинением центральной власти, не исключено, ею же – властью и образованный. Косвенное подтверждение всего этого – только что упомянутые надписи членов т.н. фиасов, само наличие которых, по мнению специалистов в этой области (Завойкина 2013. С. 6–7, 129–130, 200–216), являлось одним из очевидных признаков гражданской общины типа «полиса». Исходя из предположенной выше демографической характеристики этого городка, можно допустить (полного текста ни одного списка фиасотов не сохранилось), что членами такого (таких?) религиозно-политического союза (фиаса) фактически, по крайней мере во II–III вв. н.э., являлись все главы проживавших в Зеноновом Херсонесе семей или даже вообще все взрослые мужчины. Могут возразить: «Нет собственной монеты». Да уж слишком мал этот городок; да и зачем ему это? Двигаемся дальше на запад.

Последний пункт в перечне Птолемея, новая локализация и отождествление которого были предложены недавно, – Гераклий (Масленников 2020. С. 363–364). Если она (локализация) верна, то степень исследованности (раскопанности) этого объекта (городище у с. Семёновка) не меньшая, чем у предыдущего. При этом налицо существенная разница в основных планировочных принципах, отсутствие производственных комплексов и построек предположительно общественного назначения (общая площадь незастроенного пространства вообще заметно меньше, чем на мысе Зюк), невысокое качество кладок, в т.ч. оборонительных сооружений, абсолютное отсутствие кровельной черепицы и некоторые другие черты. Это, вообще, – некая большая «казарма» из нескольких линий-кварталов почти однотипных, весьма скромных по «экстерьеру», интерьеру и площади помещений-домов (Кругликова 1970. С. 18, рис. 2; с. 77–80, рис. 10; Масленников 2017. С. 167). Правда, находки расписной штукатурки и небольшого обломка мраморного (!) рельефа, вероятно, изображавшего некую фигуру (Геракла?) (Кругликова 1970. С. 65, рис. 50), оставляют некоторую надежду на наличие каких-то объектов сакрального или общественного назначения. Хронологические «рамки» (не ранее конца III в. до н.э. – III–IV вв. н.э.) в данном случае не столь уж существенны для соответствующей «градации» этого поселения. Тем не менее создается впечатление, что для того, кто плывал в I–II вв. н.э. вдоль

этого, в целом, довольно малонаселенного, а еще западнее – и вовсе пустынного (что совершенно точно – благодаря многократным археологическим разведкам) Таврического побережья Меотиды, да еще так далеко от «центров местной цивилизации», эта немаленькая по местным понятиям, компактно застроенная, укрепленная, да еще со столь «громким» названием большая «деревня», наверняка, могла показаться значительным населенным пунктом. Прямо-таки «городом»! Впрочем, эмоции – «дело тонкое», а тем более – «давно минувших дней».

Судя по прямому указанию Птолея, все прочие пункты на Европейском побережье Меотиды располагались уже вне интересующей нас территории.

Обратимся теперь к палеогеографии региона. «Начистую» не получится, ибо, как увидит читатель, без археологии, вернее ее открытий и наблюдений, все или почти все соответствующие рассуждения и гипотезы останутся как бы «вне пространства и времени». Итак, начнем с собственно Азовского моря – Меотиды.

Общеизвестно, что это очень молодой водный бассейн, появившийся, как считается, примерно 6–8 тыс. лет назад, т.е. уже на памяти некоего местного населения. До этого соответствующее низменное пространство представляло собой русло и пойму, а затем и лиман большой р. Танаиса–Дона с его притоками (а, может быть, еще и Кубани–Гипаниса), устьем которой был Киммерийский Боспор, нынешний Керченский пролив. Каким-то совершенно непостижимым образом воспоминания об этом дожили аж до античного времени (Подосинов 2018. С. 209–229). Что же касается интересующей нас эпохи, то с высокой степенью вероятности можно предположить, что облик этого региона 2600–1500 лет назад был близким, но не идентичным современному, а главное – не оставался неизменным. Но в чем и насколько? Самый существенный при этом фактор влияния – динамика уровня моря. Написано об этом немало. Сошлемся только на недавнюю публикацию (Kelterbaum et al. 2012. S. 206–219; там же можно ознакомиться и с соответствующей историографией вопроса), посвященную по большей части палеогеографии Чокракского озера – изначально, скорее всего, одного из наиболее вдававшихся в здешнюю сушу заливов. В ней было предложено четыре временных реконструкции его характеристик и размеров. Так, к началу греческой колонизации Северного Причерноморья (VII–VI вв. до н.э.) оно, будучи скорее заливом, чем закрытым водоемом, находилось в границах, близких современным. В период первого расцвета поселений на Керченском полуострове (IV–III вв. до н.э.) это полузакрытый водоем с небольшой протокой, соединявшей его с Азовским морем (Меотидой) и позволявшим навигацию лишь совсем маленьких судов. Затем, ссылаясь не столько на результаты

бурений, сколько на археологически выявленный факт временного запустения усадьбы на мысу в южной части озера, по мнению авторов статьи, последовало «закрытие» упомянутой протоки и превращение озера в солёный лиман. Но когда именно это имело место – они не уточнили, да и не могли этого сделать. Предложенный же диапазон в 1500 и даже 500 лет для современных исторических реконструкций совершенно не оправдан.

Такое представление о палеогеографии Чокракского озера не единственное. В частности, есть сомнения в скорости накопления наносов упомянутой пересыпи и времени ее «закрытия» (значительно позже). В античности же, точнее, в период существования поселения/усадьбы на Чокракском мысу (авторы указанной публикации вновь не уточняют дату), пролив (протока) был намного шире. В этом случае можно предположить, что в связи с замедлением подъема уровня моря происходило заиливание озера, и оно становилось все более и более мелководным и недоступным для плавания. Это, наряду с осолонением источников пресной воды, стало, по-видимому, причиной «деградации» всё того же поселения, хотя «...нельзя исключать чисто исторические и экономические факторы» (Дикарёв 2021. С. 88–89). Однако новые археологические открытия, сделанные в районе всё того же мыса и усадьбы (см. ниже), требуют пересмотра предложенной в указанной статье концепции эволюции озера в позднем голоцене. Судя по всему, в начале III в. до н.э. (а может быть, и несколько раньше) уровень поверхности этого залива (а следовательно, и Меотиды), был заметно (не меньше, чем на 2 м) ниже современного. Казалось бы, ну и что из этого? А то, что, учитывая крайнюю мелководность Чокракского озера в настоящее время (не более 1,5 м), сомнительно, чтобы оно вообще тогда существовало, и уж во всяком случае не было судоходным. Но первое «обстоятельство» всё же маловероятно ввиду того, что мощные донные отложения (лечебные грязи, аналогичные Сакским) по своим характеристикам не могли образоваться без постоянного «участия» как морской воды, так и местных сероводородных источников. А второе – тоже как бы не имело места, поскольку представить себе активную жизнь обитателей большой античной усадьбы IV–III вв. до н.э. на упомянутом мысу, да еще с их огородами, виноградниками и садами (Масленников 2010. С. 15–20) без доступа к морю и воде просто никак нельзя. Вместе с тем, есть и другие выявленные этими раскопками факты и наблюдения, которые еще более запутывают здешнюю палеоэкологическую картину.

Суть их в том, что, по-видимому, здесь имел место некий период, когда уровень Чокракского озера/залива и, соответственно, Азовского моря вдруг оказался намного (более чем на 2 м) выше современного. Этот

«потоп», наверняка, сделал озеро на какое-то время вновь широко открытым морским заливом. Конечно, одного такого предположения для столь «глобальных» выводов маловато. Но в других местах побережья Чокрака, да и Азовского моря, таковых «следов» или не сохранилось, или их просто не искали. Чем было вызвано это «наводнение» – неясно. Письменных свидетельств о нем среди античных, средневековых и более поздних источников как будто бы нет. В любом случае, судя опять-таки по археологическим данным, это имело место явно после I в. до н.э. Но когда именно?

Обратимся теперь к письменным, археологическим и некоторым иным соответствующим свидетельствам относительно самой Меотиды. Начнем с позднейших. Известный западноевропейский путешественник Вильгельм де Рубрук в середине XIII в. характеризовал Азовское море, как «...нигде не имеющее глубины свыше шести шагов (passus)...» (Джованни дель Плано Карпини 1957. С. 88). Т.е. это, скорее, ок. 4,8 м при шаге, равном 0,8 м, нежели 9 м при оценке полного шага в 1,5 м. Напомним, в настоящее время средняя глубина моря составляет 7,5 м, а максимальная – 13,5 м. Но данные Рубрука, конечно, очень приближительны, хотя и отражают некие реалии. Иными словами, Азовское море в «зрелом» средневековье было существенно мельче (и меньше?) современного. Чокракское же озеро тогда, вероятнее всего, было замкнутым водоемом с меньшими размерами.

Теперь об античной эпохе. Общеизвестно, что с этим морем древние греки познакомились чуть ли не на заре колонизации, да и вообще почти все мало-мальски конкретные сведения о нем были собраны ими довольно рано. Уже Геродот упоминает его неоднократно (21 раз!) и как бы «со знанием дела». Далее и везде древние грекоязычные авторы, как «прямые», так и разного рода компиляторы, схолиасты и т.п. постоянно употребляют относительно этого водоема только один термин – ἡ λίμνη («озеро», реже – «стоячая вода, болото, водоем, пруд») или же просто – самоназвание: «Меотида». Лишь Аристотель и Полибий приводят более конкретную информацию в плане интересующей нас темы. Первый (как, впрочем, и второй) – писал о том, что побережье озера вследствие речных наносов увеличивается (? – *А.М.*), и плавать по нему в его время (т.е., примерно, в начале второй половины IV в. до н.э.) могли только суда гораздо меньшей величины, нежели 60 лет назад, и, как все озера, обязанные своим происхождением рекам, в конце концов Меотида высохнет (Arist. Meteor. I. 29 = соответствующие места в SC). Почему тут взят именно такой временной промежуток и какие по тоннажу корабли плавали по Меотиде раньше – неизвестно, но процесс ее заметного обмеления зафиксирован. Полибий, спустя почти полтора века (события,

изложенные в четвертой книге его Всеобщей истории, относятся к концу III – началу II в. до н.э.) еще точнее обрисовал эту ситуацию: «Меотида уже заносится илом, ибо большая часть ее имеет глубины пять-семь оргий (соответственно: ок. 9 и 12,6 м – что очень близко современным данным. – *А.М.*), вследствие чего по нему не могут ходить большие корабли без лоцмана. Далее (ранее? – *А.М.*) Меотида, как единогласно свидетельствуют о том древние (интересно – кто? – *А.М.*), была первоначально морем, сливающимся с Понтом в одно, а теперь это озеро сладкой воды, ибо морская вода вытеснена из него наносами, а вливающаяся в него из рек вода получила перевес» (Polyb. IV. 8–9; цит. по изданию: Полибий 1994; см. также соответствующее место в SC). Оставим в стороне ошибочные взгляды тогдашних естествоведов относительно неизбежного заиливания всех водоемов с речным стоком. Для нас важны в данном случае два обстоятельства – хронология и схожая с Аристотелем характеристика навигации при намеке на существенно большую глубину и размеры (?) Меотиды некогда «в древности». (И, отметим, – по отношению к современности и тем более XIII в. тоже.) Информатор Полибия в данном случае неизвестен. Не исключено, что это всё тот же труд Аристотеля или Гекатея Милетского. Но, может быть, эти сведения были почерпнуты из более близкого ему по времени источника. Тогда можно утверждать, что за указанный промежуток существенных перемен в интересующих нас характеристиках озера не произошло. Правда, никто из древнегреческих авторов, как уже отмечалось, термин «море» никогда применительно к этому водоему не использовал. Здесь не лишним будет привести сведения античной письменной традиции о размерах Меотиды (см.: RE – «Maеotis»). Тот же Полибий писал о 8000 стадиев в окружности (Polyb. IV. 39. 2), Страбон (он упомянул о Меотиде 28 раз) – 9000 стадиев «и даже больше» (Strabo II. 5. 23), Арриан почти сто лет спустя также приводит цифру 9000 стадиев (Arrian. PPE 30). А вот латиноязычные авторы пользовались термином «*lacus*» скорее в значении «озеро», нежели «болото, водоем». Впрочем, довольно часто употреблялся и термин «*palus*» – «болото», как в ед., так и во мн.ч. или же вообще – и тот, и другой. Наглядный пример этому – Помпоний Мела, труд которого был завершен, как известно, к началу 40-х гг. I в. до н.э. (Mela I. 7, но I. 112–113. Текст и перевод по изданию: Помпоний Мела 2017; см. также примеч. 490 к кн. I). Причем у более поздних авторов, кажется, преобладающим становится «*palus*». Здесь особенно показателен такой источник, как «Естественная история» Плиния Старшего (Plin. NH II. 168). Случайность ли всё это или действительно основательные во многих отношениях римляне, знакомясь с этим регионом, больше доверяли своим непосредственным информаторам, нежели греческой традиции? И, соответственно,

фиксировали некие природные реалии, имевшие место на рубеже эр и непродолжительное время спустя, т.е. факт обмеления и заболачивания Меотиды? Однако не всё тут так просто и однозначно. Убедимся в этом, вернувшись к характеристике размеров Меотиды и не только.

Плиний, опираясь на информацию карты Агриппы и сведения Артемидора, приводит соответственно две цифры: 1406 миль и 1125 миль (NH IV. 78; VI. 207). Кстати, у неизвестного автора «Схолий к Землеописанию Дионисия» сказано относительно Меотиды, что 9000 стадиев равно 1200 милям, т.е. 7,5 стадиев = 1 миле (SC T. I. C. 216. Schol. Ad. Dion. 718). Можно ли из этого делать вывод, что информация, собранная для Агриппы, точнее, или, действительно, к концу I в. до н.э. Меотида несколько увеличилась в размерах, сказать сложно. К тому же это как бы противоречит только что сказанному относительно соответствующей латинской терминологии. А если последнее «обстоятельство» дополнить тем, что только у позднеримского (не позднее V в. н.э.) автора Юлия Гонория (см. Iulius Honorius. Cosmographia A. 28, 33 = SC. T. II. C. 442) впервые Меотида трижды (!) называется морем (mare Maeotis), «картина» еще более запутывается. И хотя его непосредственные предшественники и современники (например: Павел Оросий, Вибий Секвестр и др.) продолжали называть Меотиду «болотом», сам характер труда этого писателя не позволяет, как нам кажется, пренебречь таким терминологическим «новшеством». Впрочем, а почему бы не предположить, что всё вышенаписанное относительно «потопа» на Чокраке имело место как раз в позднеантичное время? Хотя, конечно, весьма проблематично, чтобы все «старинные» сведения о Меотиде в силу известных обстоятельств (естественная для того времени неточность измерений, специфика различных письменных источников и их датировка и т.п.) были «напрямую» сопоставимы с современными данными. Но их анализ и привлечение, полагаем, небезынтересны в плане рассматриваемой тематики.

Итак, в настоящее время протяженность береговой линии Азовского моря составляет 1472 км. Римская миля – это в большинстве случаев 1,6 км, т.е. 1200 миль равняются примерно 1920 км. А согласно Плинию, 1800 или даже 2249 км. Оставляем за читателем соответствующие выводы-объяснения или размышления по поводу получившейся разницы, отметив только, что неведомые информаторы наших древних источников вряд ли, подобно современным, делали свои измерения вдоль кромки берега. Они плыли вдоль него на некотором, с учетом специфики этого водного бассейна порой значительном, расстоянии. Следовательно...

Выводы о нестабильном положении уровня Азовского моря подтверждаются и палеогеографическими исследованиями в ряде мест Караларского побережья Керченского полуострова. Так, в бухте «Широкая» была

изучена и, что важно, продатирована занимающая ее морская терраса. Выяснилось, что она заполнялась в два этапа, разделенных, по всей видимости, незначительным замедлением подъема или даже понижением уровня моря. Первый этап, судя по радиоуглеродным датировкам раковин моллюсков, слагающих данную террасу, имел место ок. 3900–3500 лет назад, т.е. задолго до греческой колонизации. В тот момент была сформирована нижняя часть террасы бухты. После этого произошло кратковременное замедление подъема уровня моря, а возможно, некоторое его снижение, о чем свидетельствует прослойка гумуса в отложениях террасы. Второй этап ее формирования относится к периоду 2400–2100 лет назад и теоретически (точнее датировать этот процесс пока не удалось) может соответствовать значительному подъему уровня поверхности воды, зафиксированному в описанных выше отложениях Чокракского озера. (Но еще раз подчеркнем – только теоретически, а не хронологически, отметив этим явные преимущества классической науки о древностях, включая археологию перед всеми современными...) В ходе этого подъема была сформирована основная часть бухты до современного берегового вала. Последний простирается вдоль всей бухты. Ширина вала составляет 3–4 м; общее превышение над уровнем террасы не более 0,5 м. Радиоуглеродные датировки раковинного материала из вала показали возраст в 870 ± 40 BP в его верхней части и 1100 ± 50 BP на уровне современного Азовского моря, на дне шурфа. По всей видимости, этот вал отражает максимальный подъем уровня моря в настоящее время, после чего он уже только отступал (Дикарёв 2014. С. 314–316).

В восточной части бухты в двух шурфах, на небольшой глубине, на расстоянии до 50 м от уреза воды были раскопаны остатки двух стен, точнее – весьма посредственных в смысле качества и сохранности кладок из необработанных, относительно больших и мелких камней местного известняка. Кладка двухрядная, трехслойная; камни внешних рядов более крупные, стоят на ребре и плохо пригнаны друг к другу. Средняя высота стен приблизительно 0,4 м, толщина 0,75–1 м. Фасы частично разрушены. Основания стен стоят на плотном серо-желто-коричневом ракушечном слое. В сопутствующих отложениях встречены немногочисленные обломки амфор и керамид второй половины IV – первой трети III в. до н.э., в большинстве – сильно окатанные. Оба эти обстоятельства настораживают, поскольку в непосредственной близости, но за пределами бухты располагались синхронные усадебные комплексы – Генеральское-западное и Генеральское-западное (юго-западный склон). Судя же по упомянутому характеру кладок, они, скорее всего, относились к раннему средневековью, но точнее сказать невозможно. Радиоуглеродный возраст раковинного материала из подстилающего стены слоя показал

значение 2480 ± 60 ВР, что соответствует описанному выше второму этапу заполнения бухты «Широкая». Вряд ли в силу своей примитивности, непрочности и размеров эти кладки могли быть причальным молом, рассчитанным даже на незначительное волнение Азовского моря и защиту маломерных судов. Скорее – это остатки каких-то, в общем-то, недолговечных и не очень основательных построек на берегу, появившихся тогда, когда море заметно отступило. Это противоречит, на наш взгляд, выводам палеогеографа, полагавшего, что уровень моря в этом месте тогда (когда? – *А.М.*) составлял, как минимум, +1 м по отношению к современному (Dikarev et al. 2009. P. 55–58). Думается, тут все дело в хронологии.

В соседней с пересыпью Чокракского озера с запада бухте (бухта «Шалман», или «Радости») также было обнаружено террасовидное накопление морских наносов на высоте от 3 до 8 м над современным уровнем моря. «Тело» этой псевдотеррасы сложено разнозернистым песком с прослоями детрита, раковин моллюсков и включением их отдельных целых створок. Радиоуглеродные датировки раковин дали калиброванный возраст от 3090 до 2300 календарных лет. Из этого можно сделать вывод, что накопление морских отложений продолжалось достаточно длительное время, почти синхронное со вторым этапом формирования вышеописанной террасы в бухте «Широкая». Морфология данной псевдотеррасы дает основания полагать, что береговая линия в этом месте имела какой-то специфический «изъян»: возможно, существовало что-то вроде грота, где накапливался и не размывался материал морских отложений. Столь высокое современное положение над уровнем моря следует объяснить, по-видимому, новейшей тектоникой, которая могла за три тысячи лет «поднять» этот массив на величину от 3 до 5 м (Дикарев 2020. С. 626–630).

Ну, а что же археология? Первая попытка собрать соответствующие сведения о Приазовском и сопредельных регионах была, насколько нам известно, сделана почти четверть века назад А.А. Никоновым (1998. С. 57–66). (Поскольку он выразил тогда благодарность автору настоящей статьи за соответствующую устную информацию, мы вправе повторить ее без цитирования указанной статьи и других ссылок, ибо всё это – материалы работ Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН.) Следуя с запада на восток, начнем с мыса Казантип, оговорившись предварительно, что подводные находки керамики ввиду неоднозначности трактовки в расчет братья не будут, а специальных подводных обследований и тем более работ в силу специфики Азовского моря и иных обстоятельств пока никто не вел. Итак, в западной части только что упомянутого мыса, в непосредственной близости от поселения (усадебного комплекса) «Казантип-западный» (конец V – начало I в. до н.э.) был

расчищен хорошо сохранившийся мол. Он был прослежен в длину на 13,5 м (от берега мыса до скалы-островка) при ширине 3,3 м и сохранившейся высоте до 1,4 м. Отметим, что он не был, в отличие от прочих местных, вероятно, аналогичных по назначению строений (см. ниже), полностью затопленным водами бухты. Напротив, как бы даже «оказался на мели». Сопутствовавший невыразительный и малочисленный археологический материал в основном синхронен упомянутому поселению.

Следующий пункт – некая, довольно загадочная стена, прослеженная целиком под водой (на глубине от 0,5 до 1,7 м) в нескольких сотнях метров (далековато для гавани относительно небольшого поселения) к югу от городища «Золотое-берег» (III в. до н.э. – IV–VI вв. н.э.), что на северной окраине одноименного села, в восточной части Казантипского залива. Она тянется не менее чем на 50 м примерно под углом 60° к нынешнему берегу. Ширина ее ок. 2 м. Античная принадлежность этой постройки не очевидна (рядом еще несколько десятилетий назад располагался рыб-цех местного колхоза), но, как и ее предназначение в качестве мола, все-таки вероятна. Раскопки или хотя бы поиски в прибрежной части этой стены не велись. Аналогичным образом обстоит дело и с подводной (на глубине от 0,3 до 1 м) стеной в бухте на западе мыса Зюк, также вблизи бывшего рыб-цеха. Ширина ее тоже 2 м, прослеженная длина (почти перпендикулярно берегу) 10–12 м, сохранившаяся высота ок. 1 м. Вблизи никаких следов культурного слоя античного времени нет. Но северо-восточную часть мыса (примерно в 250 м от мола) занимает уже упоминавшееся городище Зенонов Херсонес (конец VI в. до н.э. – первая треть VI в. н.э.). В обоих случаях для нормального функционирования мола уровень моря должен был опуститься по отношению к современному на 1,5–2 м.

Об открытии стены (стен?) на нижней террасе мыса Чокракского озера, сразу под остатками большой усадебной постройки IV–I вв. до н.э., уже писалось (Масленников 2022. С. 218–233). Та, что была раскопана полностью (с западной стороны мыса), имела протяженность по суше ок. 8 м и уверенно прослежена на 15 м, а не исключено и ок. 30 м под водой, вернее, под соляным раствором и грязью озера. Ширина ее 2,4 м. Сохранившаяся высота от 0,4 до 1,2 м. Направление – строго на запад. Сопутствовавшие находки относятся к концу IV – первой трети III в. до н.э. Кладка довольно аккуратная, двухрядная, трехслойная из больших и средних камней. Фасы ровные и вертикальные. В стене имелся заложённый проход – калитка шириной около метра. Аналогичная, но пока не раскопанная целиком стена существовала и с восточной стороны мыса, также на его нижней террасе. Их оборонительное предназначение представляется очевидным.

Уверенно можно судить об античной принадлежности, по крайней

мере, еще нескольких объектов Караларского побережья, чье местоположение нелогично с точки зрения современной береговой линии, сохранности и иных «житейских» обстоятельств.

Это небольшое, но многослойное и долговременное (IV в. до н.э. – VI в. н.э.) поселение «Салачик» и некие, вероятно, подсобно-хозяйственные, производственные и иные строения (рыбозасолочные ванны, рыбокопильни или рыбоохранилища?) в прибрежной части (городище «Золотое-берег») или непосредственно под городищами («Сиреневая бухта», Зенонов Херсонес). В первом случае некоторые (подпорные) стены у основания небольшого холма с постройками размываются или уже смыты морем, а высеченный в своей нижней части в скале колодец, располагавшийся внутри поселения «Салачик» и открытый раскопками, в настоящее время содержит обычную морскую воду. Наверняка в древности колодец находился дальше от береговой линии, и вода в нем была пригодна для питья. Раскопанный рыбозасолочный комплекс II–III вв. н.э. («Золотое-берег») спустя три десятилетия уже более чем наполовину разрушен морем. Двум остальным объектам позднеантичного времени близость моря угрожает самым очевидным образом. Следовательно, для тех, кто их строил, соответствующая опасность вовсе не принималась в расчет. Вблизи поселения «Полянка» (в западной части упоминавшейся бухты «Радости») при строительных работах, непосредственно в зоне пляжа, на некоторой глубине, частично уже в воде, был выявлен развал некой стены с сопутствовавшим археологическим материалом II–III вв. н.э., а о двух стенках, раскопанных на пляже бухты «Широкая», выше уже писалось. Здесь же можно было бы привести и хрестоматийный пример из труда Плиния Старшего относительно городов (?) Пирра и Антисса, около Меотиды, которых поглотил (точнее: отнял, унес. – *А.М.*) ...Понт, т.е. Чёрное море (?) («Pyrram et Antissam circa Maeotim Pontus abstulit...» – Plin. NH. II. 206). Ну, уж как-то оно, как, безусловно, заметил читатель, противоречиво. Вместе с тем, напомним, что до нас дошел если не первоисточник этой информации, то хотя бы ссылка на него (схолии к речи Цицерона «За Флакка»). А раз так, то эти события, где бы они ни произошли, имели место, скорее всего, не позднее середины I в. до н.э. Есть мнение, что эти, более никем не упоминавшиеся здесь города (если это города?) располагались где-то на северо-западе Боспора Киммерийского (восточная часть Крымского Приазовья?) и были разрушены вследствие катастрофических оползней, вызванных, в свою очередь, известным землетрясением 63 г. до н.э. (Никонов 2001. С. 241–246). Зная, что называется, воочию всё соответствующее побережье как к востоку, так и к западу от нынешнего Керченского пролива и, в частности, район предполагаемых и реально существующих и поныне оползней, осмелюсь

возразить, что такое предположение всё же маловероятно. Никаких следов античных поселений тут нет. А самое главное: все соответствующие примеры и археологический опыт показывают, что на протяжении всей античной эпохи поселенцы предварительно знакомились с местностью и старались учитывать все особенности местной прибрежной топографии и «геологии». Они строились на относительно высоких прибрежных холмах и мысах, сложенных в основном из коренных известняковых или иных относительно слабо размываемых или просто устойчивых пород и грунтов. Другое дело – природные катастрофы или некие перманентные, также природные, процессы, пагубное действие которых сказывалось не одновременно. Наверняка, как-то обустроивались и места, прилегающие к таким населенным пунктам на побережье. В данном случае, как нам кажется, можно предположить, что некие поселения были «отняты» Азовским морем – Меотидой – вследствие существенного (и довольно быстрого?) подъема его уровня где-то около указанного выше времени. А что? Вот городок Акра (если это Акра), что в южной части западного побережья Керченского пролива: почти все его постройки, по крайней мере эллинистического периода, оказались под водой. Исследователи Акры полагают, что город в значительной степени был затоплен к рубежу эр. В I в. до н.э. эта опасность осознавалась его жителями весьма серьезно, а сам процесс стал ощутимым уже примерно со второй половины III в. до н.э. (Соловьёв и др. 2021. С. 74–78, 153). Поселение первых веков н.э. занимало совсем небольшую площадь на суше и не случайно именовалось античными авторами «деревенькой» (маленькое селение) (Strabo XI. 2. 8). Одновременно отметим, что максимальная оценка такой регрессии в районе данного поселения (городка) составляла в IV в. до н.э. ок. 3,6–4 м (Соловьёв и др. 2021. С. 11, 59–71).

Если всё это так, то, действительно, неведомый нам источник Цицерона мог зафиксировать полное подтопление прибрежных территорий и неких населенных пунктов в рассматриваемом регионе к указанному только что времени. Другими схожими примерами в Приазовье мы пока не располагаем, а касаться всех прочих – по обе стороны Керченского пролива – не станем. По мнению А.А. Никонова, для нормального функционирования таких «пригородов», прежде всего гаваней, уровень Азовского моря и северной части Керченского пролива должен был быть ниже современного не менее, чем на 1,5–2 м (Никонов 1998. С. 64). В таком случае, берег в какой-то период в античности располагался примерно в 50 или даже больше метров мористее современного. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на любую карту Азовского моря с изобатами. Примерно на том же расстоянии, видимо, надо искать и следы древнего клифа, а может быть, и остатки портовых сооружений прочих прибреж-

ных городищ. Но, скорее всего, уровень моря заметно колебался даже на протяжении немногих поколений. При этом некий пик «спада», как нам кажется, приходился на рубеж IV–III вв. до н.э. и II–III вв. н.э. Их сменяли существенные и длительные подъемы III–I вв. до н.э. и, возможно, позднеантичного времени. Но вернемся к палеогеографии.

Надо сказать, что в современных изысканиях тема колебания уровня Азово-Черноморского бассейна в среднем и позднем голоцене (т.е. на «памяти» человечества) разрабатывается весьма активно. Не вдаваясь, что естественно, во все детали и сложности данной проблематики и дискуссий, отметим лишь, что, как это часто бывает, к настоящему времени тут сложилось два противоположных взгляда: условно «статичный» и «переменный» (Измаилов 2020. С. 159–163).

Выводы сторонников периодических и заметных изменений уровней упомянутых морей представляются и нам в свете всего вышеизложенного и более аргументированными, и более соответствующими некоторым археологическим реалиям. Разумеется, последние (см. выше) имеют исключительную ценность ввиду гораздо более точной и разработанной хронологии. Особенно, если мы располагаем письменными источниками. В качестве примера приведем один из регрессивных «пиков» диаграммы (т.н. фанагорийская регрессия) из только что упомянутой статьи (Там же. С. 161, рис. 1). Согласно ей, максимальное (до 5 м) понижение уровня Азово-Черноморского бассейна (иной конкретики тут нет) имело место примерно в V в. до н.э. Точнее, видимо, геоморфологам определить сложно. Но тогда... Совершенно справедливо заметить изволили, внимательный читатель! Тогда как же быть с вышеупомянутым свидетельством Аристотеля, да и Полибия тоже? Наверняка временную «шкалу» здесь надо сдвигать, как минимум, на век – полтора вверх. Вот тогда всё в плане местной археологии как будто бы «садится на место». Ко времени Митридата и Страбона, судя по всё той же диаграмме, интересующий нас показатель поднялся почти до современного уровня. Следовательно, постройки в прибрежной зоне на Меотиде и в ее заливах (Чокрак) оказались под водой или почти под водой. Следующий значительный (до 3 м) спад приходится, согласно всё тому же автору, примерно на VII в. н.э. А вот сколь-либо существенной трансгрессии, заметно превышавшей бы современный уровень, вроде бы и не происходило. Но упомянутый выше «потоп» на Чокраке – явный «сигнал» в обратном направлении этого научного поиска.

- Вейсман А.Д. Греко-русский словарь. СПб., 1899. [*Veisman A.V. Greko-russkiy slovar' (Greek-Russian Dictionary). St-Petersburg, 1899.*]
- Дикарëв В.А. Берега Чёрного и Азовского морей в условиях изменения уровня моря // VIII Щукинские чтения: рельеф и природопользование. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. МГУ имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра геоморфологии и палеогеографии (Москва, 28 сентября – 1 октября 2020 г.). М., 2020. С. 626–630. [*Dikaryov V.A. Berega Chyornogo i Azovskogo morej v usloviyakh izmeneniya urovnya morya (Shores of the Black and Azov Seas in the Conditions of Sea Level Change) // VIII Shchukinskiye chteniya: Relief i prirodopol'zovaniye. Materialy Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. MGU imeni M.V. Lomonosova, geograficheskij fakul'tet, kafedra geomorfologii i paleogeografii (Moskva, 28 sentyabrya – 1 oktyabrya 2020 g.). Moscow, 2020. S. 626–630.*]
- Дикарëв В.А. Реконструкция палеорельефа бухты Широкая (Керченский п-ов) и античного поселения Генеральское Западное // IV (XX) Всероссийский археологический съезд в Казани. Т. 4. Казань, 2014. С. 314–317. [*Dikaryov V.A. Rekonstruktsiya paleorel'efa bukhty Shirokaya (Kerchenskij p-ov) i antichnogo poseleniya General'skoe Zapadnoe (Reconstruction of the paleorelief of the Shirokaya Bay (Kerch Peninsula) and the ancient settlement of Generalskoye Zapadnoye) // IV (XX) Vserossijskiy arheologicheskij s'ezd v Kazani. T. 4. Kazan, 2014. S. 314–317.*]
- Дикарëв В.А. Эволюция озера Чокрак (Керченский полуостров) в позднем голоцене // Материалы 6-й Международной научно-практической конференции «Инновации в геологии, геофизике и географии-2021». М., 2021. С. 88–89. [*Dikaryov V.A. Evolyuciya ozera Chokrak (Kerchenskij poluostrov) v pozdnem golocene (Evolution of Lake Chokrak (Kerch Peninsula) in the Late Holocene) // Materialy 6-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Innovacii v geologii, geofizike i geografii". Moscow, 2021. S. 88–89.*]
- Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957. [*Giovanni del plano Carpini. Istoriya mongalov (History of the Mongols). Guillaume de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany (Journey to the Eastern countries). Moscow, 1957.*]
- Завойкина Н.В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013. [*Zavojkina N.V. Bosporskie fiasy: mezhdou polisom i monarkhiej (Bosporan Fiasas: Between Polis and Monarchy). Moscow, 2013.*]
- Измаилов Я.А. Колебания уровня Азово-Черноморского бассейна в среднем и позднем голоцене и некоторые проблемы адаптации человека // Актуальные

проблемы палеогеографии плейстоцена и голоцена. М., 2020. С. 159–163. [*Izmailov Ya.A. Kolebaniya urovnya Azovo-Chernomorskogo bassejna v srednem i pozdnem golocene i nekotorye problemy adaptacii cheloveka (Fluctuations of the level of the Azov-Black Sea basin in the middle and late Holocene and some problems of human adaptation) // Aktual'nye problemy paleogeografii plejstocena i golocena. Moscow, 2020. S. 159–163.*]

Кошеленко Г.А. Полис и город. К постановке проблемы // ВДИ. 1980. Т. 1. С. 3–28. [*Koshelenko G.A. Polis i gorod. K postanovke problemy (Polis and city. To the formulation of the problem) // Vestnik drevney istorii. 1980. T. 1. S. 3–28.*]

Кошеленко Г.А. Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 217–246. [*Koshelenko G.A. Grecheskij polis i problemy razvitiya ekonomiki (Greek polis and problems of economic development) // Antichnaya Gretsija. T. 1. Moscow, 1983. S. 217–246.*]

Кругликова И.Т. Раскопки поселения у дер. Семёновки // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М., 1970. С. 4–80. [*Kruglikova I.T. Raskopki poseleniya u der. Semyonovki (Excavations of the settlement near the village Semyonovka) // Poseleniya i mogil'niki Kerchenskogo poluostrova nachala n.e. Moscow, 1970. S. 4–80.*]

Латышев В.В. Scythica et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893–1900. Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904. [*Latyshev V.V. Scythica et Caucasia. Izvestiya drevnix pisateley grecheskikh i latinskikh o Skifi i Kavkaze. T. I. Grecheskiye pisateli. St-Petersburg, 1893–1900. T. II. Latinskiye pisateli (Scythica et Caucasia. The evidence of Greek and Latin writers about Skythia and Caucasus. Vol. I. Greek writers. Vol. II. Latin writers). St-Petersburg, 1904.*]

Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. [*Maslennikov A.A. Ellinskaya khora na kraju Ojkumeny. Sel'skaya territoriya Evropejskogo Bospora v antichnuyu epokhu (Hellenic hora on the edge of the eumene. Rural area of the European Bosphorus in Antiquity). Moscow, 1998.*]

Масленников А.А. Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Москва; Киев; Запорожье, 2007. С. 181–218. [*Maslennikov A.A. Krymskoe Priazov'e v antichnuyu epokhu (Crimean Shore of the Sea of Azov in the Antiquity) // Antichnyj mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy. Moscow; Kiev; Zaporozh'e, 2007. S. 181–218.*]

Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М., 2010. [*Maslennikov A.A. Carskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e). T. 1. Arhitekturno-stroitel'naya i*

- arheologicheskaya kharakteristika pamyatnikov (Royal hora of the Bosphorus (based on excavations in the Crimean shore of the Sea of Azov). Vol. 1. Architectural, construction and archaeological characteristics of monuments). Moscow, 2010.]
- Масленников А.А.* Социально-имущественная дифференциация сельского населения античного Боспора по материалам поселенческих структур // Крым в эпоху эллинизма (Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований). Симферополь, 2017. С. 155–168, 386–394. [Maslennikov A.A. Social'no-imushchestvennaya differentsiatsiya sel'skogo naseleniya antichnogo Bospora po materialam poselencheskikh struktur (Socio-property differentiation of the rural population of the ancient Bosphorus according to the materials of settlement structures) // Krym v epokhu ellinizma (Mezhkul'turnye protsessy po dannym novejskikh arkheologicheskikh issledovaniy. Simferopol, 2017. S. 155–168, 386–394.]
- Масленников А.А.* Меотийские «города» Клавдия Птолемея // Homo omnium horarum. Сб. ст. в честь 70-летия А.В. Подосинова. М., 2020. С. 354–369. [Maslennikov A.A. Meotijskie «goroda» Klavdiya Ptolemeya (Maecotian “cities” of Claudius Ptolemy) // Homo omnium horarum. Sbornik statej v chest' 70-letiya A.V. Podossinova. M., 2020. S. 354–369.]
- Масленников А.А.* Стена на Чокраке // ДБ. 2022. Т. 27. С. 218–233. [Maslennikov A.A. Stena na Chokrake (Wall on Chokrak) // Drevnosti Bospora. 2022. T. 27. S. 218–233.]
- Никонов А.А.* Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) // РА. 1998. Т. 3. С. 57–66. [Nikonov A.A. Zatoplennye ostatki antichnykh sooruzhenij po beregam Bospora Kimmerijskogo (v svyazi s problemoj izmeneniya urovnya morya) (Flooded remains of ancient structures along the shores of the Cimmerian Bosphorus (in connection with the problem of sea level changes) // Rossijskaya arkheologiya. 1998. T. 3. S. 57–66.]
- Никонов А.А.* О местонахождении и исчезновении античных городов Пирра и Антисса на Боспоре // Боспорский феномен: колонизация региона. Формирование полисов. Образование государств. Ч. 2. СПб., 2001. С. 241–246. [Nikonov A.A. O mestonakhozhdenii i ischeznovenii antichnykh gorodov Pirra i Antissa na Bospore (On the location and disappearance of the ancient cities of Pyrrhus and Antissa in the Bosphorus) // Bosporskij fenomen: kolonizaciya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstv. Ch. 2. St-Petersburg, 2001. S. 241–246.]
- Подосинов А.В.* Еще раз о Меотиде как озере // Scripta antiqua. М., 2019. Т. VIII. С. 309–329. [Podossinov A.V. Eshchyo raz o Meotide kak ozere (Once again about Meotida as a lake) // Scripta antiqua. Moscow, 2019. T. VIII. S. 309–329.]

- Полибий*. Всеобщая история. Т. 1 / Пер. Ф. Мищенко. Под ред. А.Я. Тыжова. СПб., 1994. [*Polibiy. Vseobshchaya istoriya (Polybios. World history)*. Т. 1 / Пер. Ф. Mishchenko. Pod red. А. Ya. Tyzhova. St-Petersburg, 1994.]
- Помпоний Мела*. Хорография / Под ред. А.В. Подосинова. М., 2017. [*Pomponiy Mela. Khorografiya (Pomponius Mela. Chorographia)*] / Pod red. А. V. Podossinova. Moscow, 2017.]
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Греческие надписи с мыса Зюк // ДБ. 1999. Т. 2. С. 193–202. [*Saprykin S.Yu., Maslennikov A.A. Grecheskie nadpisi s mysa Zyuk (Greek inscriptions from Cape Zyuk)* // *Drevnosti Bospora*. 1999. Т. 2. S. 193–202.]
- Сапрыкин С.Ю.* Фиас Зенонова Херсонеса // ДБ. 2022. Т. 27. С. 259–281. [*Saprykin S.Yu. Fias Zenonova Khersonesa (Fias of Zenonov Chersonese)* // *Drevnosti Bospora*. 2022. Т. 27. S. 259–281.]
- Соловьёв С.Л., Вахонеев В.В., Шенко Л.Г.* Акра – античный город на Европейском Боспоре. СПб., 2021. [*Solov'yov S.L., Vakhoneev V.V., Shepko L.G. Akra – antichnyj gorod na Evropejskom Bospore (Acra – an ancient city on the European Bosporus)*. St-Petersburg, 2021.]
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) СПб., 2002. [*Tunkina I.V. Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.) (Russian science of the classical antiquities of the South of Russia (18th – mid- 19th centuries))*]. St-Petersburg, 2002.]
- Dikarev V.A. et al.* Complex archaeological and geomorphological studies on the northern coast of Kerchenskiy peninsula (Crimea, Ukraine) // ICGP 521-INQUA 0501 Fifth Plenary Meeting and Field Trip. Istanbul; Izmir; Canakkale, 2009. P. 55–58.
- Kelterbaum D., Brückner H., Dikarev V., Gerhard S. et al.* Palaeogeographic Changes at Lake Chokrak on the Kerch Peninsula, Ukraine, during the Mid- and Late-Holocene // *Geoarchaeology. An International Journal*. 2012. Vol. 27. № 3. P. 206–219.

Alexander A. Maslennikov

PALEOGEOGRAPHY, ARCHEOLOGY AND ANCIENT TOPONYMICS AND TERMINOLOGY OF AZOV CRIMEA

The article discusses ancient toponyms, terminology and relevant archeological realities of the Sea of Azov, but mostly their relevancy with paleogeology and paleogeography of the region in antiquity. The attention is mostly paid to the level changes

of the Sea of Azov and the Chokrak Lake. The author uses the results of the latest archeological excavations and of some natural-scientific investigations. He analyzes both differences and similarities of the three groups of the sources. In the first “case” the author uses the results of the long-term excavations of the academic expedition led by him. The expedition investigates on the significant area and extent not only multi-temporal and multi-cultural sites of the Sea of Azov, but also relevant natural landscapes. Particularly, several periods of water level decline and rises of local bodies of water have been determined and chronologically confirmed, first and foremost those of the Sea of Azov and neighboring lakes and rivers, as well as of subsoil waters. These processes’ having had impact on the origin, location and state of conservation of settlement structures, demography and features of economic activities of the local population in the 6th century BCE to the 6th century ACE have been analyzed. These results serve to determine two or three periods which show either desolation or (vice-versa) prosperity of the lands in question. But it is important that the results have confirmed that a lot of our written sources are well informed and even objective. Sometimes they permit to better understand the sources or even to correct the former translations and, moreover, relevant comments. Thus, they emphasize again great degree of information in the works by Herodotus, Diodorus Siculus, Scylax, Polybius, Strabo, Pomponius Mela, Plinius Major, Claudius Ptolemaeus and in the less degree of other authors of various historical and geographical works, first and foremost, peripli, on the size and depth of the Sea of Azov, the quantity of settlements on its coasts, the direction of trade routes (proceeding from the main streams), local climate and its changes through centuries, historical events etc. In a number of cases archeology served to significantly clarify the chronology and scope of some changes, and (last but not least) to emphasize the importance of the complex approach for general and specific research of the ancient geographical legacy.

Keywords: the Crimean Azov Sea region, paleogeology, ancient toponyms, ancient geography, archeology, chronology

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-183-205